

О Т З Ы В

официального оппонента на диссертацию Тюлина Дмитрия Александровича на тему «Творческая личность и «персона» в творчестве Д. Боуи», представленную на соискание степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.2.

Литературы народов мира (филологические науки)

Актуальность и новизна диссертационного исследования Д.А. Тюлина связана не только с тем обстоятельством, что о Дэвиде Боуи как поэте по-русски до сих пор ничего не написано. Внедрение в научно-критический обиход нового материала, бесспорно, важно, но еще важнее предпринимаемый диссертантом поиск новых аналитических подходов к поэзии, - все более уповающей на выразительные возможности как письменного слова, так и аудиовизуальных медиа, и живого перформанса. В фокусе внимания диссертанта - формы субъектности, характерные для такого типа лирики, и в связи с этим - две центральные проблемные категории: «персона» и «творческая личность».

Анализ сосредоточен на творчестве Боуи конца 1960х-начала 1970х годов - нескольких альбомах, структурно аналогичных поэтическим циклам. Аккуратно, последовательно и достаточно полно раскрывается контекст - параллели между творческим поиском Боуи и такими разнообразными явлениями, как «британское поэтическое возрождение», традиции мюзик-холла, эксперименты американских битников и поэтов Черной Горы¹. Бережно отслеживаются интертекстуальные связи, соединяющие Боуи с литературными предшественниками и современниками, среди которых Т.С. Элиот и Бертольд Брехт, Энтони Берджесс, Уильям Бэрроуз, Олаф Стэплдон, Роберт Хайнлайн и другие. Все это важно, поскольку Боуи, даже и по собственному признанию, активно использует/присваивает «чужое» из источников самых пестрых, от философии до популярного кино. В итоге складывается картина широкая и убедительная, убеждающая в том, что «литературоведческий подход» (с.20) к творчеству поэта-музыканта может быть чутким и продуктивным, что и литературоведению такие вылазки на «чуждую» территорию песенно-музыкального

¹ Пожалуй, уместно было бы включить в этот ряд т.н. «исповедальную» поэзию 1950-60х - Р. Лоуэлла, С. Плат, А. Секстон и др., но они в данном случае остаются «за кадром».

перформансаисключительно полезны, - они побуждают к обновлению давно устоявшихся подходов и привычного инструментария.

Особой заслугой диссертанта стоит считать точный выбор проблемного фокуса, которым оказывается взаимодействие – отчасти взаимозависимость, отчасти конфликтность - субъектных инстанций в поэтическом тексте.

“Персона” определяется Д.А. Тюлиным как “концептуальный художественный конструкт, разработанный Боуи” (с. 16) с опорой на Юнга, что и так, и не вполне так. Диалог Боуи с Юнгом, конечно же, имел место, но к литературе, в частности, к лирике понятие «персона» применялась широко и независимо от Юнга. Считается, что впервые это понятие в актуальном для нас смысле было использовано анонимным критиком Кольриджа еще при жизни поэта, потом были, разумеется дискуссии вокруг «драматической лирики» Браунинга, Паунда и др. В итоге сложилось понятие «personapoetry»² – оно отсылает к ситуациям, когда между поэтом и лирическим голосом от первого лица возникают ощутимая дистанция и диалогическое напряжение, когда субъектность начинает разыгрываться как драма. Использование маски может быть симптомом и источником отчуждения или, напротив, залогом отважно-интимного контакта с чем-то в себе, о чем прямое высказывание затруднено или невозможно. Долгий опыт обсуждения этих сюжетов привел к признанию того (отчасти самоочевидного?) обстоятельства, что попытка «транскрибировать» Я всегда и неизбежно предполагает стереоскопический эффект несоответствия себе. Где есть текст или иной медиум, вообще любая форма опосредования или просто *форма*, там уже по определению возникает «персона». Повествуемое Я (участвующее в рассказе) и повествующее Я (знающее историю заранее) не могут быть равны друг другу по определению. Любое стихотворение подразумевает маску, варьируется лишь мера ее плотности и сложности. Парадоксальным образом, безыскусность в искусстве почти всегда, в той мере, в какой она не случайна, - плод мастерства, а ощущение правдивости/подлинности сильнее всего тогда, когда читатель взаимодействует с fiction. В связи с этим «аутентичность», определяемая

² В списке библиографии – в разделе “Научно-критическая литература” нет почему-то публикаций, в том числе неновых, обобщающих опыт работы британских литературоведов с понятием «персона» - см., например, G.T. Wright *The poet in the Poem* (1960), J. Lyons *The Invention of the Self* (1978), R. Elliott *The Literary Persona* (1982).

как глубокая искренность, личностная окрашенность высказывания (с.29), «полностью настоящий образ себя» (с.107) оказывается крайне скользким понятием. Способность субъекта быть собой и только собой ставится под вопрос первым же социально-коммуникативным жестом, осознанным или бессознательным. Нет ничего более непосредственного, чем крик боли, но, чтобы стать предметом эстетического сопереживания, боль должна быть сыграна – она была бы невыносима, если бы зритель/слушатель не предполагал в ней момент игровой дистанции. Подлинность, таким образом, нельзя считать онтологическим состоянием, - скорее это эффект, проходящий испытание в диалоге с другим. Искусство «последней правды» живет за счет самоотрицания, снова и снова, вполне намеренно подходя к краю того, что опознается как искусство, - задачу свою оно полагает именно в том, чтобы ступить за край и вернуться по возможности без потерь, с «трофеем» временно обретенного и подаренного ощущения аутентичности/подлинности.

В эту сложную проблематику нас погружает Д.И. Тюлин. Искусство Боуи не обещает и не создает иллюзии непосредственного присутствия, тождества автора и исполнителя, исполнителя и личности на сцене. Артист являет себя зрителю/слушателю не иначе как под прикрытием маски, - именно «персона» обеспечивает творческой личности свободу выражения и развития, но...порой зловещим образом утверждается за ее (личности) счет. На сцене зрителю предстает Дэвид Джонс, прочно забывший – или делающий вид, что забыл, - кто таков Дэвид Джонс, пребывающий «одновременно и вымышленной личностью, и собой-поэтом, создавая неопределённость и загадку вокруг себя как человеческого и артистического целого» (с.131). Предлагаемая здесь Д.И. Тюлиным яркая формулировка не вызывает возражений в принципе, но фигурирующие в ней «одновременность» и «неопределенность» требуют, пожалуй, дальнейшего аккуратного разбирательства. В частности, возникает вопрос: можно ли считать демонстративную театральность, подчеркнутую искусственность – очевидно-важную характеристику исполнительского поведения Дэвида Боуи – признаком

неаутентичности, как утверждает первое из выносимых на защиту положений³? Или считать демонстрацию масок единственно честным видом аутентичности, которая в искусствовеникогда «не невинна», всегда подразумевает искусственность как «брата-близнеца»⁴.

Бесспорно то, что условия существования современной поэзии требуют пристального исследования пакта об аутентичности как актуальной разновидности лирического пакта. Проведенная в диссертации работа исключительно ценна, но проблематизацию можно было бы углубить и богаче оснастить. Перспектива движения мысли, впрочем, обозначена продуктивно, точно, грамотно, без упрощений, а это уже очень много.

Чтение диссертации Д.И. Тюлина дает много поводов задуматься над сложностью, сопряженной санализом песенного текста. Текст этообескураживающе прост, но, положенный на музыку, почти бесконечно действен, - возможности формо- и смыслообразования, которые мы ассоциируем с чтением, и сужены, и резко расширены. Работа с текстами песен в диссертации по преимуществу предполагает цитирование небольших фрагментов (2-3 строк), сопровождаемых подстрочным переводом, комментарием и указанием на возможные контекстные и интертекстуальные связи. Это было бы маловато, если бы речь шла о тексте, адресованном глазу, но на нынешнем уровне представлений о

³ «Понятие неаутентичности является важной четой поэзии Д. Боуи, апеллирующей к возможности художественного выражения за пределами представлений о рок-поэзии как аутентичной и искренней» (с.26)

⁴ На с.32цитируются в этой связи слова американского исследователя Бернардо Аттиаса, - о том, что «многое в дискурсе о рок-музыке ставится под вопрос предположением, что искусственность и аутентичность несопоставимы». В связи с этой цитатой позволю себе мелкую, но не пустяковую придирку. Предложенная (в переводе) формулировка показалась мне интересной, но странной, - в оригинале же (в авторской аннотации к статье) фраза имела следующий вид: «I contend that *much of the discourse about authenticity in popular music is hampered by the assumption that artifice and authenticity are incompatible*». Здесь явно имеется в виду дискурс не столько и именно о рок-музыке, сколько о популярном песенно-музыкальном творчестве (хотя в объем этого понятия входит, конечно, и коммерциализированный рок) – и препятствием в развитии этого разговора критик полагает расхожее представление о том, что аутентичность и искусственность, якобы, несовместимы. Диссертант переводит слово *incompatible* как «несопоставимы», т.е. несравнимы. Сдвиг в значении как будто невелик, но коварен. Ибо соль проблемы Аттиас и не только он видят в том, что означенные понятия мыслятся как несочетаемые, несоединимые, а это сплошь и рядом не так, - сплошь и рядом мы сталкиваемся как раз с их парадоксальной неразлучностью.

технике работы с трансмедийным текстом с этой ограниченностью, точнее самоограничением приходится смириться.

Д.И. Тюлин прекрасно ориентируется в культурном поле, на котором работает. Тому еще одним подтверждением - обширная библиография включающая тексты песен, дискографию, музыкальную критику и журналистику, литературоведческие работы (о некоторых лакунах в англоязычной литературной теории уже сказано выше) – всего 234 позиции. Автореферат и публикации полностью отражают содержание диссертации.

Диссертация Тюлина Д.И. полностью соответствует п.9 Положения о присуждении ученых степеней. Автор безусловно достоин присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки).

Доктор филологических наук,
профессор, зав. кафедрой
общей теории словесности
филологического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, ГСП, МГУ имени М.В.Ломоносова, 1-ый
корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет
Телефон 84959395384
E-mail: discours@gmail.com

Венедиктова Т.Д.

27.05.2024

Подпись заверяю

